

жет попасть только с помощью волшебного помощника или средства.

Таким образом, мотив добывания невесты, который определяет содержание волшебной сказки, организует и фабульную линию повестей Гоголя. В некоторых сюжетных ходах линии сказки и цикла пересекаются, однако смысл все равно приобретают различный. В фольклоре весь процесс искания и добывания невесты имеет в своей основе прохождение юношей ступеней обряда инициации. Этому смыслу и подчиняются описываемые сказкой испытания героя, прохождение препятствий и пр. Гоголь придает сходным по функции сюжетным ситуациям качественно иную трактовку, имеющую религиозно-этический подтекст: преодолеваемая преграда на пути воссоединения с любимой девушкой, герой сталкивается с силами зла, и в зависимости от того, насколько он способен противостоять им, побеждает или проигрывает в этом столкновении.

Литература

- Белый 1996 — *Белый Андрей*. Мастерство Гоголя. М., 1996.
- Гоголь 1984 — *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: в 9 тт. Т. 9. М., 1984.
- Гоголь 2004 — *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 тт. М., 2004. Т. 1.
- Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1.
- Даль 1994а — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4.
- Дмитриева, Сапожков 2005 — *Дмитриева Е. Е., Сапожков С. В.* Н. В. Гоголь // История русской литературы XIX века. Ч. 2 (1840—1860 годы). М., 2005. С. 269—343.
- Зуева 1994 — *Зуева Т. В.* Волшебная сказка. М., 1994.
- Лотман 2001 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2001.
- Манн 1996 — *Манн Ю. В.* Динамика эпохи романтизма. М., 1996.
- Манн 2004 — *Манн Ю. В.* Н. В. Гоголь. Труды и дни: 1809—1848. М., 2004.
- Пропп 2004 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2004.
- Пропп 2005 — *Пропп В. Я.* Русская сказка. М., 2005.
- Славянские древности 1999 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.*
- Славянские древности 2004 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3.*

Т. Н. ПОДЛЕВСКИХ
(Киров)

ФОЛЬКЛОРНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В РУССКОМ ОЧЕРКЕ 1840—1850 годов

На сегодняшний день проблема взаимодействия литературы и фольклора продолжает оставаться предметом исследования исторического и теоретического литературоведения и фольклористики. Несмотря на традиционность данного вопроса, в последние десятилетия наука выдвигает все новые и новые аспекты для изучения. Актуализация проблемы взаимовлияния литературы и фольклора связана с появлением в научном мире понятия так называемой «третьей культуры» и усилением внимания к массовой литературе.

Процесс формирования «третьей культуры» был длительным и сложным. Середина XIX века — это период бурного роста городов, интенсивного формирования и расслоения городского населения. Культурная интеграция и дифференциация в городах протекала на социальном уровне. Каждый слой общества по-разному воспринимал меняющуюся картину мира, обретая собственные ценностные ориентиры в жизни. Так, в процессе развития капиталистических отношений складывались социокультурные особенности тех или иных групп населения, формировался определенный стереотип мышления и поведения сословий и особый, «городской», менталитет [Поздеев 2002, 6—68].

Зримое и целостное представление о социальной структуре русских городов в 40—50-е годы XIX века дает анализ газетно-журнальной периодики того времени. Многочисленные периодические издания расширили сферу воздействия печатного слова, распространяя просвещение среди городского населения и приобщая его к чтению. Периодика 1840—1850-х годов стремилась сформировать эстетические, литературные пристрастия у демократических слоев

населения, повысить общекультурный и политический кругозор читателей. Журналистика второй трети XIX века ориентировалась непосредственно на мелких чиновников, купцов, ремесленников, солдат, обеспечивая городским низам занимательный и интеллектуальный досуг. Важную роль в этом процессе сыграли журналы «Современник», «Отечественные записки», «Москвитинин», «Библиотека для чтения», «Финский вестник», «Литературная газета», альманахи Н. А. Некрасова «Физиология Петербурга», «Петербургский сборник» и др., где сотрудничали авторы самых разных сословий, где трудились известные, «признанные» писатели и критики (Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин и др.) и молодые, начинающие дарования, так называемые «обыкновенные таланты» (И. И. Панаев, Е. П. Гребенка, А. Г. Вилламов, А. П. Башуцкий, В. В. Толбин, А. Я. Кульчицкий и др.). Альманахи, сборники, журналы, газеты 1840—1850-х годов являются объективным фактором формирования «третьей культуры».

Самым популярным жанром «газетно-журнальной» литературы тех лет был очерк («физиологический», «зоологический», бытописательный, нраво-описательный, этнографический). Очерк «как оперативный жанр призван был расширить тематический диапазон литературы, открыть писателю и читателю новые пласты национальной жизни» [Русская литература и фольклор 1976, 334]. Новая литература утверждалась как «демонстративно “непоэтическая”, максимально близкая к формам научного, публицистического и обыденно-бытового сознания» [Маркович 1981, 114]. Именно очерк как жанр документально-художественной литературы явился для современной антропологии и фольклористики одним из множества источников, помимо собственно фольклорных сборников, который представил интересный материал для исследования городской субкультуры. Историко-познавательное значение очерковых произведений велико, благодаря обилию заключенного в них фактического материала.

Поэтика очерковой литературы 40—50-х годов XIX века подчеркнута натуралистична и предельно конкретна. Предметный мир произведения полностью соотносится с миром реальным, так как композиционный центр очерка составляют наблюдения рассказчика за окружающей его жизнью. Писатели-очеркисты обнаруживают абсолютное знание изображаемой ими действительности, портреты поражают «своей живой, внутренней верностью» [Белинский 1955, 82], что свидетельствует о стремлении авторов произведений с точностью, равнозначной естественнонаучному анализу, исследовать жизнь средствами художественного творчества.

Художественным принципом изображения современной автору действительности является предельная достоверность, установка на документальность, фактографичность и этнографизм. Писатели-очеркисты (В. И. Даль, Д. В. Григорович, А. Г. Вилламов, А. П. Башуцкий, Ф. Дершау, И. Т. Кокорев, В. В. Толбин, Е. П. Гребенка и др.) в своих произведениях создают точную копию того или иного жизненного факта, отмечая наиболее существенные его черты. Поэтому очерк 40—50-х годов XIX века открывает наиболее широкие возможности воссоздания общего жизненного уклада городских сословий исследуемого периода. Очерковая литература этого времени — целая система, соотносимая с повседневной жизнью представителей городского населения, это «живая статистика живого русского народонаселения» [Белинский 1955, 82]. По текстам произведений данной жанровой разновидности можно реконструировать материальный быт той или иной социальной группы во всех подробностях. Вот одна из ярких зарисовок быта наемной кухарки И. Т. Кокорева: «...кухня — что-то вроде комнаты, более или менее закопченной, так что иногда трудно решить, из какого материала построена она. В кухне печь, простая русская, складенная из кирпичей, не хитро, но удачно припоровленная к своему назначению, — печь с печкою, иногда даже с полатами. Далее глазам представляются две-три полки, на которых стройно расставлена разная кухонная посуда; потом следуют: самовар, 21

блистающий на почетном месте; стол почтенных лет, но всегда вымытый на загляденье, и около него скамья, вероятно, для противоположности, более или менее серого цвета; рукомойник, семья ухватов и кое-какой домашний скарб довершают принадлежности кухни. Тут и постель кухарки, и имущество ее, заключающееся в небольшом сундуке; тут красуется и двухвершковое зеркальце, обклеенное бумагой, и рядом с ним наклеена какая-нибудь «греческая героиня Бобелина», или картинка с помадной банки; тут и лук растет на окне, а иногда судьба занесет и герань; здесь и чайник с отбитым рыльцем, окруженный двумя-тремя чашками, в соседстве с какою-то зеленою стеклянною посудой, выглядывает с полки; здесь и жирный Васья посиживает на окне, греясь против солнышка или созерцательно рассматривая ближайшую природу, особенно стаи ворон, которых привлекает что-то лежащее на дворе, как раз против окна» [Кокорев 1986в, 513].

Репрезентация исторических сведений о городе и населяющих его жителях возможна благодаря описательному по преимуществу характеру жанра и высокой степени детализации изображения в текстах. Описывая, т. е. воспроизводя окружающую действительность в статике, авторы очерков неосознанно фиксируют в своих произведениях саму социальную структуру общества в виде горизонтального среза, отмечают неоднородность культурного пространства, характеризуют социокультурные особенности городских сословий, нормы, стандарты и эталоны поведения тех или иных социальных групп, анализируют типы межличностных связей. Так, в очерке Е. П. Гребенки «Провинциал в Петербурге» перечислены «резкие отличительные признаки» приехавшего в столицу помещика. Приведем некоторые из них: «Провинциал, приехавший в столицу, торопится жить; он рыскает без устали из одного конца города в другой, из улицы в улицу; и часто в день осмотрит более, нежели столичный житель во всю жизнь <...>. Он верует в непомерность газет и журналов, готов мерзнуть на морозе два часа, чтоб увидеть известного литератора или какую-нибудь другую знаменитость, о которой он читает в газетах <...>. Провинциал на-

божно подает медные деньги всем салонницам на перекрестках <...>. Провинциал многое порицает в столице; со многим видимо не соглашается <...>. Провинциал всегда более или менее подозрителен; он приезжает в столицу с убеждением, что это хитрый город <...> и потому он редко примет ваши советы, думая, что вы <...> хотите воспользоваться его неопытностью. Напротив, он доверяет всякой бороде на улице, всякому солдату, продающему из рукава случайный товар <...>. Он вообще любит пестрые жилеты и яркие галстуки; не толкуйте ему о простоте одежды; он поверит лучше вкусу портнаго, котораго непременно сам отыщет, нежели советам петербургскаго приятеля, и, разумеется, портной сбудет ему весь свой залежалый товар...» [Гребенка 1846, 17—27].

Отдельные очерки 40—50-х годов XIX века можно объединить в определенные тематические группы или циклы (здесь мы говорим о собственно-очерковых формах, а не о сложных жанровых образованиях. Безусловно, не каждое произведение выдерживало жанровый канон; зачастую обнаруживается непоследовательность в использовании очерковых приемов. Однако совокупность художественных принципов очерка во всех его тематических разновидностях может быть довольно четко определена).

Очерки 1840—1850-х годов — прежде всего очерки о Петербурге (альманахи Н. А. Некрасова «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник», сборник рассказов и очерков «Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым» и др.) и Москве («Очерки московской жизни» П. Вистенгофа, произведения И. Т. Кокорева и др.); очерки-репортажи с городских улиц, исторические и социально-экономические обозрения.

Интересны в этом отношении очерки-статьи В. Г. Белинского «Петербург и Москва», «Петербургская литература», «Александринский театр», в которых дана общая концептуальная и вместе с тем развернутая характеристика северной русской столицы, представлены «родовые особенности в физиологической жизни Петербурга» [Белинский 1984, 160]. Автор пишет хронику известных ему событий, фиксируя в произведениях исторические факты, конкретные

даты, упоминая фамилии реальных людей, описывая архитектуру Петербурга, объясняя месторасположение того или иного клуба с указанием точного названия улиц, проспектов и переулков. Например, со страниц очерка «Александринский театр» мы узнаем об истории петербургского и московского театров, об их постоянном репертуаре, актерском составе и публике. Белинский постоянно сравнивает Александринский театр с Петровским, определяя «существенную разницу» между ними. Например: «Говоря собственно, в Москве нет театральной публики. В Петровский театр в Москве стекаются люди разных сословий, разной степени образованности, разных вкусов и потребностей. Тут вы увидите и купцов без бород, и купцов с бородами, и студентов, и людей, которые живут в Москве потому только, что им весело в ней жить, и которые имеют привычку бывать только там, где им весело; тут увидите и модные фракы с желтыми перчатками, и удалые венгерки, и пальто, и старомодные шинели с воротничками, и бекешы, и медвежьи шубы, и шляпы, и картузы, и чуть не колпаки, и шляпки на заячьем меху, головы с платками парчовыми, шелковыми и ситцевыми <...>. Словом, в московской театральной публике почти столько же вкусов и суждений, сколько лиц, из которых она составляется <...>. Не такова публика Александринского театра <...> в ней нет разнородных сословий — она вся составлена из служащего народа известного разряда; в ней нет разнородных направлений, требований и вкусов: она требует одного, удовлетворяется одним; она никогда не противоречит самой себе, всегда верна самой себе. Она индивидуум, лицо; она — не множество людей, но один человек, прилично одетый, солидный, не слишком требовательный, не слишком уступчивый, человек, который боится всякой крайности, постоянно держится в благоразумной середине, наконец, человек весьма почтенной и благонамеренной наружности. Она то же именно, что самые почтенные сословия во Франции и Германии: *bourgeoisie* и *филистеры*» [Белинский 1984, 171—172].

Торговой деятельности Москвы посвящены очерки И. Т. Кокорева «Мел-

кая промышленность в Москве», «Московские рынки», «Сборное воскресенье», «Ярославцы в Москве», «Кулаки и барышники» и др., где писатель, используя статистику определенного года, прослеживает вместе с читателем общее движение и особенности внешней и внутренней торговли города. Автор называет действующие рынки и ярмарки Москвы, выстраивая свое повествование в соответствии с определенным «порядком», принятым «сообразно значительности <...> торговли» [Кокорев 1858в, 39], объясняет читателю их расположение, график работы, перечисляет ассортимент продаваемых товаров и подсчитывает годовую прибыль. Приведем пример: «Начнем с рынков, торговых жизненными потребностями. Первое место между ними занимает Охотный ряд (собственно две площади — Охотная и Моисеевская), главный рынок почти всех съестных припасов, и благодаря своему положению в середине города, торгующий ежедневно — если не на десятки тысяч, то наверно не на одну тысячу рублей. Особенно значительное движение торговли в нем бывает в пору поспевания огородных овощей и к Рождеству. — Лавок и палаток считается здесь до 130, и из первых, кроме съестных и колониальных, замечательны посвященные предметам охоты. Одна из них носит громкое название “птичьего кабинета”» [Кокорев 1858в, 37—38].

Рисую общую картину внешней торговли, автор отмечает основные и второстепенные сухопутные тракты и водные пути экспорта различной продукции. Очерки И. Т. Кокорева — своеобразный учебник по истории московского рынка, где многочисленные статистические данные дают читателю четкое представление о торговой жизни города в определенное время. Например, в очерке «Московские рынки» автор неоднократно обращается к цифрам 1847 года, «заимствованным из достоверных источников»: «В этом году привезено было в Москву, сухим путем и водою: <...> разнаго хлеба в зерне, муке и крупе 2,335,000 четвер. и 4,900,000 пудов. Рыбы и икры 23,953 воза и 1,109 бочек. Разнаго рода мяса 65,066 возов...» [Кокорев 1858в, 18—20]. Далее следует учетная ведомость, в которой отражена 23

статистика годового потребления жителями Москвы съестных припасов и «предметов хозяйства и относящиеся к фабрикам и ремеслам» [Кокорев 1858в, 19—23].

Особую атмосферу рыночной площади в очерках, посвященных «торговой» теме, создают так называемые «выкрики-речовки» купцов, приказчиков и разносчиков. Например: «*Что вам угодно-с? Что вы требуете-с? Господин! пожалуйте: у нас есть-с халаты, капоты, платья готовые, фракы, жилеты-с; пальты разныя-с: саки, с талиєю, без талии! Барыня! Госпожа! Что вам угодно-с? У нас есть шляпки-с, барнусы... атлас, канифас, канва, марля...*» [Лихачев 1986, 370]. Или: «*Честная девица, пожалуйте-с, пожалуйте-с, позвольте вам оказать уважение морковкой краснее вашего белого личика! <...> Просим покорно, матушка! заверните, чиновница! <...> чудовой спаржей почествую. Стручков купите: стручки такие, что и бабам на них совестно глядеть будет!*» [Толбин 1986, 390]. Или, например, «*приказки блинника, звонко выкрикивающего свой товар:*

*С самого жару,
По грошу за пару!
Вались, народ,
От всех ворот,
Отбирай блины,
Вынимай мошны!*
[Кокорев 1986б, 463].

Авторы, материализуя принцип культурной детерминации общества, воссоздают в своих произведениях типичный ритм существования мелких чиновников («Чиновник» Н. А. Некрасова, «Чиновники» П. Вистенгофа, «Борзописцы» В. В. Толбина, «Лука Лукич» Ф. Дершау, «Лотерейный бал» Д. В. Григоровича, «Порядочный человек» Я. Буткова и др.), купцов и мелких торговцев («Купцы» П. Вистенгофа, «Приказчик» А. Лихачева, «Спекулятор» Ф. Дершау, «Лоскутницы», «Бобровый воротник» В. В. Толбина, «Кулаки и барышники», «Московские рынки» И. Т. Кокорева, «Гостинодворы» П. Федорова и др.), ремесленников и горожан, занимающихся различным промыслом («Гробовой мастер» А. П. Башуцкого, «Сибирка» И. Т. Кокорева,

«Сваха» А. Г. Вилламова, «Знахарь» Грицко-Основьяненко и др.), солдат («Русский солдат», «Маркитанты» А. Г. Вилламова, «Бессрочный» Грицко-Основьяненко и др.), слуг и наемных людей («Денщик», «Петербургский дворник» В. И. Даля, «Кухарка» И. Т. Кокорева, «Извозчики», «Мальчики», «Наемные люди, кучера, лакеи» П. Вистенгофа, «Извозчики-лихачи и ваньки» И. Т. Кокорева и др.), «иноземцев» и переселенцев, представителей разных национальностей («Чухонцы в Петербурге», «Уральский казак» В. И. Даля, «Венгерцы», «Ярославцы» В. В. Толбина, «Ярославцы в Москве» И. Т. Кокорева, «Ингры, ваты, ягрямя, саволаксы» Дм. Успенского, «Цыганы» П. Вистенгофа, «Петербургские шарманщики» Д. В. Григоровича и др.). Обратимся к книге П. Вистенгофа «Очерки московской жизни», большой раздел которой посвящен описанию купечества: «*Московские купцы богомольны, держат строго посты и живут большею частью скромно в своих семействах. Они очень любят хорошие барыши от торговли, чай, пиво, меды, при оказии шампанское, а преимущественно лошадей и дородных своих жен <...>. Купец, торгующий в рядах, редко видит свое семейство. Он там почти целый день; обедает обыкновенно на Ильинке в троицком, угольном и т. п., является домой уже вечером, ужинает рано и, сотворив молитву, ложится спать. В воскресенье или праздничный день все семейство в четвероместной коляске, запряженной парюю больших, дородных лошадей, отправляется к обеду, потом обедает, а в вечерни едет куда-нибудь в рошу, опять в той же коляске, в которой в это время уложены: самовар, чайные чашки, водка, разные вина и порядочный запас сытного русского ужина, копченая ветчина, разного рода колбасы, большая кулебяка, добрая нога телятины и сладкий пирог <...>. Осенью и зимой купец в воскресенье и бенефисы везет свое семейство в театр и берет, смотря по состоянию, бельэтаж или другие ложи высшего разряда <...>. Купец в день именин своих и жены <...> дает закуски, обеды, а иногда и роскошные балы...*» [Вистенгоф 1986, 105—110].

В очерках 40—50-х годов XIX века представлены общие черты городского

населения («предприимчивость, гибкость, приспособляемость, расторопность, хитрость» [Поздеев 2002, 85]). Показателен в этом отношении очерк И. Т. Кокорева «Мелкая промышленность в Москве», в котором автор говорит о «происхождении действующих мелкой промышленности»: «Вольноотпущенные, которые имели прежде свои занятия в многочисленной дворне какого-нибудь вельможи старого века — занятия, сделавшиеся никуда не пригодными на свободе <...> потом люди, которых продолжительное безделье обезнадежило в конце; вдовы, оставшиеся с несколькими детьми на руках и следовательно лишенные возможности идти в услужение; иногда мещанин, которого разные таланты совратили с истинного пути; рядом с ним артист, играющий на каком-то неизвестном инструменте; реже всех отставной солдат, по чему-либо не нашедший себе приличного места <...> только успевай повертываться, если не хочешь поспориться с желудком; берись за все, что ни случится, являясь всюду, где можно пустить в оборот свою сметливость, трудись без усталости и хлопот до упаду» [Кокорев 1858а, 80—81].

Отдельную тематическую группу могут составить произведения, знакомящие читателей с проведением досуга горожан, их пристрастиями и привычками («Маркеры и бильярдные игроки», «Скотолобы» В. В. Толбина, «Дачник» А. П. Башуцкого, «Чай в Москве», «Самовар» И. Т. Кокорева, «Лотерейный бал» Д. В. Григоровича и др.). Например, Кокорев пишет о том, как москвичи любят пить чай: «Кто знает Москву не понаслышке, не по беглой наглядке, тот согласится, что чай — пятая стихия ее жителей и что, не будь этой земной амврозии, в быте москвичей произошел бы коренной переворот; хлебосольное гостеприимство, эта прадедовская добродетель, неизменно хранимая нами, рушилась бы вконец» [Кокорев 1986, 445]. А. П. Башуцкий в очерке «Дачник» отмечает «модную страсть» петербуржцев, носящую характер эпидемии, снимать на весенне-летний период дачу [Башуцкий 1845, 23—58]. Таким образом, в своих очерках писатели на синхронном срезе представляют различные миры: географический, национальный,

сословный, профессиональный, «культурный» и др.

Следуя двухчастной композиции произведения, очеркисты в первой части дают детальное описание портрета и жилища представителя той или иной социальной общности. Писатели как бы делают фотографию окружающей их обстановки, стремясь «схватить социальный тип “живьем”» [Кулешов 1986, 7]. Яркие и точные детали в описании внешности персонажа, костюма, интерьера, материального быта образуют ансамбль, создавая в совокупности единое и целостное впечатление о предмете изображения у читателей. Вот, например, описание наружности русской свахи: «<...> она бывает большею частью вдова от 45 до 60 лет, пережившая, может быть, и уморившая по малой мере двух, а часто и трех мужей: женщина дородная, румяная, несмотря на лета свои, с лицом всегда улыбающимся, праздничным, с пронзительным, лукавым взглядом, притворно-простодушным. Говорит она скороговоркой, испещряя рассказы свои пословицами и прибаутками и превознося красоту предлагаемых ею невест и женихов в простонародных, пошлых выражениях; большая охотница до кофе, которого пьет чашек по двенадцати, и за кофейником будет говорить без умолку от раннего утра до поздней ночи. Костюм ее: чепец с узкою оборкою, или платок, повязанный сверх чепца, обыкновенно двуличного цвета; платье или капот темный, преимущественно коричневый или темно-лиловый; большой платок с узким бортом, туго обтянутый около плеч и зашпиленный на груди булавою, серьги жемчужные или из бус наподобие жемчуга, а в руках носовой платок, свернутый в трубочку, и большой ридикуль; некоторые из свех нюхают табак» [Вилламов 1986, 372].

Во второй части авторы представляют «особь» в действии, изображая конкретную бытовую сцену с диалогами из реальной жизни: дворник метет улицы («Петербургский дворник» В. И. Дала), шарманщик бродит по улицам города в поисках заработка («Петербургские шарманщики» Д. В. Григоровича), приказчик торгует, наживая себе капиталы («Гостинодворы» П. Федорова), сваха сватает («Сваха» А. Г. Вилламова) и т. д.

Посмотрим, как «орудует» сваха: «*Так-то, сударыня моя, и спровадили Аграфену Петровну за нищего, что называется, ни рожки, ни кожи, а девушка славная, воспитанная, не такому бы чахлому чета. И приданое не пустяшное — двадцать тысяч чистоганом — на улице не найдешь. Вишь, родители-то метили на чиновного; вот-те и чиновный, прости господи!! урод уродом! Да еще жидомор какой-то; жалованья получает 1800, а к венцу выпросил пару платья! тьфу! <...> Подъезжали родители-то <...> и ко мне, да видишь, у меня жених не чиновен <...> а этот, видишь, надворный; и подлинно надворный: только бы в дворянах и быть ему. Нет, матушка, пускай мой не в чинах, да уж зато козырь козырем: росту высокого, черноволосый, черноглазый; лицом, что твоя красная девушка; человек деликатный, говорит по-французскому, квартиру нанимает не хуже своего начальника отделения, живет чистенько, опрятно <...>. Правда, жалованье небольшое, 1200; ну, да знаете, перепадает кое-что от простителей...» [Вилламов 1986, 373].*

В очерковую литературу вместе с деталями быта входит и фольклор. Привлечение произведений устного народного творчества и этнографического материала писателями-очеркистами было связано с их стремлением полнее представить жизнь мещанства — основы городского населения (мелких торговцев, ремесленников, кустарей, людей, работающих по найму, крестьян-отходников). Это стремление закреплялось уже в названиях очерков. Писатели натуральной школы «буквально наводнили литературу невиданной до них массой народных пословиц, поговорок и речений, широко раздвинувшими изобразительные возможности литературной речи» [Русская литература и фольклор 1976, 337]. Стремясь к достоверности в изображении окружающей действительности, на страницах очерков авторы неосознанно воспроизводят бытующий «городской репертуар» народного художественного творчества.

Обостренное внимание к жизни и языку представителей разных сословий проявляет в своих произведениях В. И. Даль. Фольклорист, лингвист и этнограф, В. И. Даль обогатил современную науку «монументальным собранием <...> сказок, песен, поверий, лу-

бочных картин» [Русская литература и фольклор 1976, 339]. Так, в очерке «Денщик» читатель обнаружит целую сводку солдатских примет, предсказывающих погоду: «*Вёдро и ненастье, тепло и стужу измерял и определял он [Яков] также по-своему: на дворе холодно, хоть ружье в избу поставь, так разве чуть только отпотеет; на дворе мороз, лошади на конюшне всю ночь протоптали; видно, сыро, барабан чуть слышно; жара такая, что за козырек рукой нельзя взяться; такой дождь, что лопоть хлеба из пекарни под полой сухим не донесешь домой, и прочее» [Даль 1981, 228—229].* Изобилуют фольклорным материалом очерки И. Т. Кокорева: пословицами и поговорками («*В Москве толсто звонят, да тонко едят*» [Кокорев 18586, 44], «*Дал бы Бог здоровье, а то все — плевое дело*» [Кокорев 18586, 64], «*Суженого конем не объедешь; кто в кого родится, тому на том и жениться*» [Кокорев 1986, 448]), песнями («*Близко города Словянска...*» [Кокорев 18586, 142]), «*Уж как веет ветерок // Из трактира в погребок...*» [Кокорев 1858, 66]); в очерке «Свадьба в Москве» автор подробно описывает свадебные обряды и приводит песни девушек, которые собрались «опевать свадьбу»:

*Благословлялось солнышко
Перед светлым месяцем:
«Благослови меня, светел месяц,
За темны леса закатитися!»
Благословлялась Наталья Ивановна
Со удалым, добрым молодцем,
Со Гаврилом Николаевичем:
«Благослови меня, родной отец,
Со родимой со матушкой,
За дубовый стол идучи...»
[Кокорев 1986а, 452—457].*

В «Петербургских шарманщиках» Д. В. Григоровича воспроизводятся сцены уличных выступлений представителей так называемого «бродячего» сословия — итальянцев, немцев, русских уличных гаеров. Действующими лицами в них являются традиционные герои народного театра: Петрушка, Пучинелла — «*чудак, криклив, шумлив, забияка, одним словом, обладающий всеми достоинствами, располагающими к нему его публику*» [Григорович 1984, 101], Музыкант, Капитан-исправник и др.

Фольклоризм очерковой литературы 40—50-х годов XIX века имеет довольно сложный характер. Авторы очерков широко привлекают произведения народного творчества и как источник для построения сюжета, и как материал для характеристики своих героев, для индивидуализации их речи, и как средство художественной изобразительности в собственно авторской речи.

Очерковая литература оказывала огромное влияние на читающую публику. Авторы заставляли читателей увидеть в тексте свое зеркальное отражение, познакомиться со своим новым «я». Людям открывалась обратная, скрытая в повседневности, сторона своего и чужого быта, они останавливали взгляд на тех жизненных явлениях, на которые раньше не обращали внимания. Естественное, нормальное, привычное для них становилось необычным, странным. В. Г. Белинский писал: «Если бы нас спросили, в чем состоит существенная заслуга новой литературной школы, — мы отвечали бы: в том <...> что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой “толпе”, исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою» [Белинский 1955, 388]. Так совершался великий акт самосознания, складывался определенный стереотип мышления и поведения представителей низовых слоев общества, формировалась городская культура.

Русский очерк 1840—1850-х годов, который со временем развивался и эволюционировал в другие более крупные жанровые формы, явился своеобразной школой создания сюжетов, типов и характеров персонажей для отечественной литературы второй половины XIX века. На место очерковой литературы приходит жанр повести. Авторы повестей, усвоив художественно-структурные и фольклорные традиции очерка в разработке темы «маленького человека», идут дальше, обращаясь к внутреннему миру, психологии и самосознанию героя.

Литература

Башуцкий 1845 — *Башуцкий А.* Дачник // Финский вестник. 1845. Т. 1. С. 23—58.

Белинский 1955 — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 тт. М., 1955. Т. X.

Белинский 1984 — *Белинский В. Г.* Александринский театр // Физиология Петербурга. М., 1984. С. 155—188.

Вилламов 1986 — *Вилламов А.* Сваха // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 371—377.

Вистенгоф 1986 — *Вистенгоф П.* Купцы // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 105—110.

Гребенка 1846 — *Гребенка Е.* Провинциал в Петербурге // Финский вестник. 1846. Т. 8. С. 17—32.

Григорович 1984 — *Григорович Д.* Петербургские шарманщики // Физиология Петербурга. М., 1984. С. 84—106.

Даль 1981 — *Даль В. И.* Денщик // Даль В. И. Повести, рассказы, очерки, сказки. Горький, 1981. С. 221—229.

Кокорев 1858 — *Кокорев И. Т.* Сибирка // Очерки и рассказы И. Т. Кокорева. Ч. 1—3. М., 1858. Ч. 1. С. 69—183.

Кокорев 1858а — *Кокорев И. Т.* Мелкая промышленность в Москве // Очерки и рассказы И. Т. Кокорева. Ч. 1—3. М., 1858. Ч. 1. С. 77—94.

Кокорев 1858б — *Кокорев И. Т.* Кулаки и барышники // Очерки и рассказы И. Т. Кокорева. Ч. 1—3. М., 1858. Ч. 2. С. 2—66.

Кокорев 1858в — *Кокорев И. Т.* Московские рынки // Очерки и рассказы И. Т. Кокорева. Ч. 1—3. М., 1858. Ч. 3. С. 3—44.

Кокорев 1986 — *Кокорев И. Т.* Чай в Москве // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века. Под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 444—448.

Кокорев 1986а — *Кокорев И. Т.* Свадьба в Москве // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 448—460.

Кокорев 1986б — *Кокорев И. Т.* Ярославцы в Москве // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 460—466.

Кокорев 1986в — *Кокорев И. Т.* Кухарка // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 510—527.

Кулешов 1986 — *Кулешов В. И.* Предисловие // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 7.

Лихачев 1986 — *Лихачев А.* Приказчик // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 363—371.

Маркович 1981 — *Маркович М. М.* Роман Тургенева «Рудин» и традиции натуральной школы // Русская литература. 1981. № 2.

Поздеев 2002 — *Поздеев В. А.* Фольклор и литература в контексте «третьей культуры». М., 2002.

Русская литература и фольклор 1976 — Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л. 1976.

Толбин 1986 — *Толбин В.* Ярославцы // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / под ред. В. И. Кулешова. М., 1986. С. 384—393.